

A dark, rainy city street at night. The street is wet and reflects the lights. Yellow diagonal lines are painted on the road. On the right, there are brick buildings with lit windows. A large semi-transparent grey box covers the upper half of the image, containing white text.

Извас Фрай

Кто убил их всех?

Извас Фрай  
**Кто убил их всех**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

## **Фрай И.**

Кто убил их всех / И. Фрай — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Мы - остались последними, кто выжил. Но кто убил нас? И что произошло с нами? Что такое человек? Мы столкнулись с адом - кто смог бы выдержать то, что пришлось пережить нам? Теперь, когда у нас осталась лишь одна ночь перед последней битвой - я должен найти ответы на вопросы: кто убийца? И что с нами произошло? Содержит нецензурную брань.

© Фрай И., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

### **Кто убил их всех?**

Воды и еды нам хватит продержаться до утра – затем, те из нас, что остались после отступления с боем – будут с боем завоёвывать себе лишние секунды своих никчёмных жизней в неравной борьбе; нас прижали к самой стене. Ни у кого из нас нет ни малейшей возможности остаться в живых – у нас есть только этот миг, чтобы проститься со всеми, кого мы когда-либо знали, любили и потеряли. У нас есть – только наши воспоминания, немного еды, чтобы протянуть эту ночь и пара винтовок. И страшнее всего для нас теперь – не смерть – мы к ней уже давно привыкли. Мы боимся того, что мы – начинаем забывать, что происходило с нашими семьями и друзьями. Мы рассказываем друг другу истории своих жизней – чтобы не дать последней искре в темноте погаснуть. Эта проклятая земля, которую мы называли раем – уже многих из нас свела в могилы.

Я сохранил свою жизнь случайно – я не заслуживаю того, что сейчас могу говорить, могу писать – я знал людей, куда более лучших, чем я; и которые смогли бы рассказать эту историю лучше. Но так как все они – мертвы; а я – жив, я должен сражаться со смертью последним, оставшимся у меня оружием – чернилами. Я буду говорить от лица всех, потому что я – последний, кто может ещё разумно мыслить. Мне выпал этот жребий – и я обещаю исполнить свой долг.

Пещера, которая станет нашей братской могилой: стены выбиты временем и холодны как лёд. Здесь: сыро, много страшных насекомых, названия которых унесли с собой в могилу наши отцы энтомологи. Сидеть можно только на земле или на пустых ящиках из-под еды, воды и оружия. Но все – предпочитают стоять.

Вокруг нас: бродят духи; мы видим их тени на стенах – их силуэты появляются перед нашими глазами. Их голоса холоднее льда – в них вся безмятежность и грусть мира мёртвых. Они – жили здесь задолго до нас; им – есть, что рассказать нам. А мы – рады любому, кто согласится слушать наш невнятный трепет. И мы, и они – мы хотим только не быть одинокими в своих несчастьях: и после смерти, и в последних часах жизни. Любые слова – лишь бы не молчать. Духи щедры на истории; впрочем, как и мы. Дыхание смерти – лучше всего развязывает язык и гонит людей на красноречия. Но я – изо всех сил стараюсь быть как можно кратким – чтобы успеть рассказать всё.

Это – наше последнее наслаждение – смерть.

Наше поколение исчезнет; оно оставит после себя много следов, но наши потомки – их не заметят – и буду вновь и вновь, из века в век, повторять наши ошибки. Своим опытом мы можем поделиться – только с мертвыми и с теми, кто вскоре умрёт. Это – самая длинная ночь в наших жизнях. Это – ночь историй и легенд.

Главным рассказчиком среди мёртвых – был король призраков. Он не сказал ни слова – но бесконечность тех сюжетов и смыслов, которые он извлекал из себя – поражали и потрясали дух. Он впитал в себя все истории, которые когда-либо слышал. И я знаю, что ему нужно было от меня – последняя ценность, что у меня осталась – моя история. И я – готов рассказать её.

Я родился далеко отсюда. О тех временах – я помню, что повсюду были люди и ни одного дерева. Впервые, я увидел дерево в шесть лет, когда был во Дворце Жизни – огромном здании под куполом. Мама сказала мне: «Туда, куда мы вскоре направимся – деревьев будет больше, чем людей».

Когда я пришел сюда – я деревья я мог увидеть только в лесу – за двадцать километров от деревни. Место, в котором я провёл почти всю свою жизнь – стояло посреди пустыни – на вершине холма. Я – с самого детства был богаче своих сверстников – я помнил мир, откуда мы родом. Все мы – люди – вышли из мест, которые называли «города».

Я помню, как был счастлив. Всё моё детство – пролетело так: я чего-то ждал, жил спокойной, готовый в любой момент отправиться в путь – я смотрел на одинокую гору вдалеке,

всё время находившуюся у нас перед глазами; и я мечтал: когда-нибудь, я поднимусь на её вершину и взгляну на мир со стороны облаков.

Я помню, как старик Аркадий брал меня на рыбалку; но я совсем не помню его лица. Я помню, как в десять лет – я поймал свою первую рыбу и мы все вместе её разделили и съели – большая и вкусный был в тот вечер ужин.

Так проходили дни – так пролетали годы.

Кроме папы, мамы, меня и старика Аркадия – в деревне жило ещё около трёхсот человек. Одни рождались и приходили их городов – другие умирали и возвращались обратно; но почти всегда – нас было ровно три сотни и четыре. Мы жили в тёплых и уютных домах, которые построили люди, жившие здесь до нас. Кроме меня, здесь было ещё пятьдесят детей. Задачей взрослых – было следить за поведением и образом жизни вертов, живших в двух деревнях неподалёку от нас; и попутно – изучать их язык, который, по словам отца: «не похож ни на что, что может встретить человек в природе».

Людям было известно о двух расах вертов: двуруких и двуглазых; и о четвероруких и четвероглазых. Оба племени жили в своих деревнях и никогда не сносились между собой, хоть и поддерживали дружеские отношения. Они были очень похожи на людей. Они – могли любить друг друга и ненавидеть; быть жестокими и милосердными одновременно. Единственное, что не увидел мой отец за долгие годы своих изучений – это то, как верты умирают; или то, как верты – убивают.

Я никогда не забуду тот день, когда впервые увидел четверорукого верта – в тот солнечный день: я играл в одиночестве со своим баскетбольным мячом. Верт стоял неподвижно, широко раскрыв рот; я заглянул в его пасть – в ней было три ряда острых зубов – никто не знал, для чего они нужны были вертам. Кожа у них – тёмно-зелёная и грубая; по ночам – они становятся невидимыми, пока не ударить по ним лучом фонаря. Языки у вертов, по словам отца, были правильной формы – так что, они вполне могли выучить язык людей. Но ни разу за долгие годы исследований – ни один верт не произнёс ни единого человеческого слова. Мой отец шутил: «Верты – знают наш язык, но не хотят говорить на нём, чтобы люди – не заставили их работать». Мой отец – всю жизнь изучал их. Каждый день, встав и позавтракав – он выходил из дома и шел к вертам. Возвращался он – только поздно вечером; сразу после ужина – он садился за свой компьютер и начинал писать: о том, что видел, слышал и понял. Он – был великим учёным. Мне так не хватает его мудрых слов.

Когда я был ребёнком и рос без отца, я бегал между домами и кричал во всю глотку. Я помню: тогда, кажется, у меня ещё был пёс. Мы всегда были вместе. Жаль, что того же я – не могу сказать про свою семью.

Моя мать – не была учёным. Ей не приходилось ухаживать за хозяйством – разве что, время от времени, она готовила завтраки и ужины. Всё за неё делали девушки – наши соседки; они приходили к нам в дом и играли со мной. Она уходило из дому почти на весь день – как отец. Всё это время она – проводила в поле. Она брала с собой несколько бутербродов с сыром, молоко и этюдник. Она – очень любила одиночество; больше него – только папу и природу. С первым – она почти не виделась; а с природой – проводила время постоянно. Пробегая глазами по её пейзажам – я учился искусству. Даже пробовал рисовать – но не вышел из меня художник. Папа говорил, что такой талант – передаётся через поколения; и что мой сын или моя дочь – станут величайшими художниками своего времени; художниками, которые никогда не родятся.

Моя мама – никогда не разрешала мне ходить с ней в поле – ни разу. Она говорила мне, что ей – нужно спокойствие и уединение, чтобы рисовать настоящие шедевры. Это – у неё получалось; но я – никогда не понимал: как можно принести в жертву детство собственного сына – ради каких-то рисунков?! Я любил их – они были красивыми и необычными – не такими, как мир за окном; но я – ненавидел их – потому что они отняли у меня маму.

Но я – не часто думал об этом и жалел – только в далёком детстве. Всё своё отрочество – я был сам по себе.

Только иногда: папа водил меня ночью вместо сна смотреть на звёзды в его телескоп, а мама – целовала в щеку, когда я вёл себя хорошо. Не считая этого – я знал о родителях больше понаслышке и рос – как сам того хотел.

В нашем доме: была целая куча машин. Иногда – они ломались – тогда к нам приходил дядя Алекс и всё чинил. Он был весёлым – он научил меня многим новым и интересным словам, за которые мама, однажды, дала мне пощёчину и сказала мне, чтобы я больше никогда их не говорил и не писал. Писать их – я не стал; а говорил – постоянно. Моим родителям – слишком много внимания уделяли их родители, чтобы они научились говорить то, что думают – часто размышлял я.

Однажды, когда папа брал меня смотреть на звёзды, я спросил его:

– Пап, а кто всё это создал? – я показал на звёзды.

Он даже не головы не повернул в мою сторону – всё на что-то смотрел и улыбался.

– Пап, – повторил я, – так – кто же всё это создал?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.